

ГРАНДМАСТЕР
ИСТОРИЧЕСКОГО
РОМАНА

*Посвящается Селине Уокер,
одной из лучших редакторов.
Благодарю!*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА¹

Римляне и их союзники

Луций Коминий Тулл — ветеран, центурион; ранее служил в Восемнадцатом легионе, ныне — в Пятом

Марк Красс Фенестела — опцион, или заместитель Тулла*

Марк Пизон — один из солдат Тулла

Вителлий — еще один солдат Тулла, друг Пизона

Сакса — солдат Тулла, друг Пизона

Метилий — солдат Тулла, друг Пизона

Амбиорикс — галл, слуга Тулла

Дегмар — из племени марсов, слуга Тулла

Луций Сей Туберон — римский аристократ, ныне легат легиона и враг Тулла*

Септимий — старший центурион Седьмой когорты Пятого легиона, начальник Тулла*

Флаволей Корд — старший центурион, Вторая когорта Пятого легиона

Кастриций Виктор — старший центурион, Третья когорта Пятого легиона

Прокулин — старший центурион, Шестая когорта Пятого легиона

Германик Юлий Цезарь — внучатый племянник Августа, племянник Тиберия, имперский правитель Германии и Трех Галлий*

¹ Лица, отмеченные звездочкой, упоминаются в исторических хрониках.

Тиберий Клавдий Нерон — император, преемник Августа*

Август — некогда звавшийся Гаем Октавием, преемник Юлия Цезаря, первый римский император. Умер в конце 14 года после более чем сорокалетнего правления*

Авл Цецина Север — военный правитель Нижней Германии*

Луций Стертиний — один из военачальников Германика Калусидий — простой солдат, выступающий против Германика*

Бассий — примипил Пятого легиона

Гай и Марк — солдаты-мятежники

Эмилий, Бенигнус, Гай — солдаты, с которыми Пизон играет в азартные игры

Публий Квинтилий Вар — погибший наместник Германии, которого обманом заманили в западню, закончившуюся для римлян страшным поражением в 9 году*

Германцы и прочие

Арминий — военный вождь германского племени херусков, организатор разгрома легионов Вара, заклятый враг Рима*

Мело — заместитель Арминия

Туснельда — жена Арминия*

Осберт — один из воинов Арминия

Флав (Флавий) — брат Арминия*

Ингломер — дядя и недавний союзник Арминия, военный вождь значительной части племени херусков*

Сегест — отец Туснельды, союзник Рима, военный вождь части племени херусков*

Сегимунд — сын Сегеста, брат Туснельды*

Артио — девочка-сирота, спасенная Туллом в первой книге трилогии

Сирона — женщина из племени галлов, нянька Артио

Скилак — собака Артио

Пролог

Осень 12 года н.э.

Рим

Центурион Луций Коминий Тулл с трудом удержался от ругательства. После случившейся три года назад бойни в лесу жизнь складывалась по-разному, чаще просто отвратительно. Любая мелочь вызывала воспоминания о вопящем хаосе, грязи и крови тех дней, когда германцы, напав из засады, стерли с лица земли три легиона — в том числе и его, Тулла, легион. На этот раз воспоминания вызвал накрывший Рим ливень. Немощеную улицу заливала, проникая в сандалии и пачкая ноги, жидкая грязь.

Тулл закрыл глаза и снова услышал звучные боевые кличи германских воинов, от которых кровь стыла в жилах. ММММММММ! ХУУУУМ-ММММММММ! От боевого рева, который издавали спрятавшиеся среди деревьев враги, храбрость его солдат скисала, как молоко на полуденном солнце. Завывания варваров еще можно было выдержать, их Тулл слышал не раз; но теперь слух терзали еще и пронзительные крики боли, призывания матерей, предсмертные хрипы и кашель. Над головами густо и со свистом

летели копья; калеча и убивая, они пронзали щиты и тела. Хлопали кожаные ремни пращей, камни звонко ударяли по шлемам, мулы пронзительно вопили от ужаса. Сам он хриплым от напряжения голосом орал приказы...

Тулл открыл глаза, но продолжал видеть перед собой не суетливую городскую улицу, а залитую грязью лесную дорогу. Она тянулась миля за милей по нескончаемому дремучему лесу, чередующемуся с предательскими болотами. Земля под вековыми деревьями была покрыта брошенным и потерянным оружием, снаряжением и телами людей. Легионеров. Его легионеров. До внезапного нападения он и допустить не мог, что вся его когорта — более четырех сотен солдат — будет уничтожена противником, вооруженным в основном метательными копьями. А если б кто-нибудь предположил, что подобным образом можно истребить три легиона, Тулл счел бы его окончательно спятившим.

Теперь он стал умнее и не судил так опрометчиво.

Жестокий урок и проистекшие из него последствия потрясли и озлобили его. Орел легиона был утерян, так что Восемнадцатый распустили. Такая же судьба постигла Семнадцатый и Девятнадцатый легионы. Его самого и остальных выживших распределили по другим легионам, расквартированным на Рейне. Последним унижением стало его разжалование из старшего центуриона в простые. В свете приближающейся отставки это можно было считать крахом воинской карьеры. Вмешательство Луция Сея Туберона, его личного врага, занимавшего в то время должность сенатского трибуна, и привело к позорному понижению Туллия в чине на закате военной службы. Если б не Туберон, размышлял Тулл, он мог бы еще командовать когортой...

— Тулл!

Он вздрогнул от неожиданности, недоумевая, кто мог узнать его здесь, в сотнях миль от того места, где ему надлежало находиться.

— Тулл!

Улица была заполнена народом, а воздух — обычными повседневными звуками: лавочники наперебой заманивали покупателей, пара дворняжек дралась из-за куска мяса, прохожие добродушно поддразнивали друг друга. Но уличный гомон снова прорезал пронзительный женский крик:

— Тулл!

Потребовалось все самообладание, чтобы никак не среагировать на окрик. «Ни одна живая душа в Риме меня не знает, — сказал он себе в сотый за этот день раз. — Ну, может, и есть такие, но шансы встретить кого-то из них ничтожны. Я — не более чем гражданин в море таких же граждан, спешащих по своим делам. Имперским чиновникам неведомо, кто я; им дела нет, чем я занят в городе. Если остановят стражники, можно что-нибудь соврать. Я — ветеран, ставший торговцем, приехал в Рим со старым товарищем — посмотреть триумф Тиберия, и ничего более».

Крепкий пожилой мужчина с тяжелой челюстью и короткой солдатской стрижкой, Тулл все еще был по-своему красив. Некогда белая туника явно помнила лучшие времена. Украшенный металлическими бляхами пояс выдавал в нем солдата или, что предпочтительнее, бывшего солдата. Марк Красс Фенестела, его рыжеволосый спутник, был в отличие от Тулла достаточно уродлив, худощав и жилист. Его пояс также указывал на человека с военной подготовкой.

— Вот и ты, Тулл, — произнес женский голос. — И где, во имя Гадеса, тебя носило?

Центурион со скупающим видом повернул голову и окинул взглядом прохожих. Тот Тулл, которого окликала, похоже, жена, оказался приземистым увальнем, в два раза моложе его и вдвое шире в обхвате. Женщина была немногим лучше — краснощекая, неряшливого вида толстуха с тяжелой грудью стояла возле прилавка открытой харчевни. Тулл расслабился, а Фенестела прошептал ему на ухо:

— Какая жалость, что она звала не тебя! Набил бы брюхо, а там и взобрался бы на нее, если б повезло...

— Отвяжись, пес. — Тулл, улыбнувшись, оттолкнул своего опциона. Различие в чинах давно стерли долгие годы совместной службы, испытания и ужасы, которые многим и не снились. Фенестела называл его центурионом только в присутствии других солдат либо когда был недоволен Туллом.

Двое товарищей продолжили путь, продвигаясь к центру города. Несмотря на ранний час, узкие улицы были запружены народом. Друзья знали, что жизнь в Риме кипит и днем и ночью, но предстоящий сегодня в честь наследника императора триумф заставил покинуть свои жилища всех, кто мог ходить, хромать и ковылять. Молодежь и старики, бедные и богатые, больные и увечные устремились поглазеть на воинское шествие, получить бесплатные угощение и вино, которые раздавались на подобных зрелищах.

Они прошли по Булочной улице, вдыхая упоительный аромат горячего хлеба, потом — по Плотницкой, где эхом отдавались визжание пил и удары молотков. Тулл задержался у оружейной лавки на Кузнечной улице, жадно разглядывая выставленные напоказ прекрасные мечи. Они не обратили внимания на зазывал со Двора переписчиков, предлагавших услуги грамотеев, мастерски управлявшихся с табличками и стилем. Их взгляды привлекли соблазнительные женские фигуры у борделей на Аллее шлюх, но друзья продолжали путь.

— Мы безумцы, что пришли сюда, — проворчал Фенестела, качая в замешательстве головой перед внушительным входом в большие публичные бани; рядом располагалась громадная раскрашенная статуя Августа. — И все же я рад, что пришли. Место просто чудесное.

— В преисподнюю этот запрет властей, вот что я скажу, — ответил Тулл, подмигивая. — Каждому следует увидеть этот город из мрамора хотя бы раз в жизни — ну и

триумф, если есть возможность. После всего, через что мы с тобой прошли, у нас есть право видеть и то и другое.

Он говорил вполголоса; в такой манере они общались с тех пор, как отклонились от официального задания — набрать рекрутов в свой новый Пятый легион Жаворонков в Нарбоннской Галлии, в сотнях миль к северу от Рима. Несколько дней ветераны безрезультатно до хрипоты зазывали добровольцев в разных городках, после чего Тулл предложил совершить путешествие в Рим на триумф Тиберия. Триумф тот получил за свои победы в Иллирике, одержанные несколько лет назад.

Поступая таким образом, товарищи не только пренебрегали полученным заданием, но и нарушали императорский указ о пожизненном запрете для всех выживших посещать Италию. «Но разве кто-то что-то узнает», — сказал Тулл. Уже через месяц они будут в Нарбоннской Галлии и, трудясь дено и ношно, наберут нужное количество рекрутов. А когда вернуться в лагерь своего легиона в Ветере, на Рейне, с требуемым числом новобранцев, никаких вопросов к ним не возникнет.

Соблазнить Фенестелу оказалось легко: как и Тулл, он никогда не бывал в столице империи и не видел триумфа.

— Попробуйте наилучшие в Риме вина! — раздался призыв слева. — Подходите и поднимите тост за Тиберия, героя-завоевателя!

Тулл оглянулся. Владелец постоянного двора, а может, кто-то из его помощников, стоял возле бочки у входа в заведение, призывно размахивая руками.

— Может, выпьем по-быстрому? — спросил Фенестела, задумчиво почесывая рыжую, с седыми клоками, бородачку.

— Нет, — твердо ответил Тулл. — Вино окажется не лучше уксуса, и ты сам это знаешь. Начнем — не остановимся, а потом и заплатить за жилье будет нечем.

Фенестела скорчил унылую гримасу.

— Ну да, а еще с вина постоянно отлить хочется.

Указания, полученные ими от хозяина недорогой гостиницы — безымянного заведения у подножия Авентинского холма, — помогли достаточно быстро добраться к Большому цирку. «Уже там, — сказал хозяин, — они сами решат, откуда им лучше смотреть триумфальное шествие». На Марсовом поле, расположенном вне стен города, можно в полной мере насладиться зрелищем сбора и построением шествия, но сам триумф как таковой будет происходить в пределах городских стен. Главный городской рынок, на котором торговали домашним скотом, оборудовали достаточным количеством временных мест для зрителей, однако желающим сидеть следовало отправиться туда на рассвете. Гораздо больше зрителей вмещал Большой цирк, но он располагался на значительном удалении от того места, где должны были происходить ключевые события триумфа. Кроме того, там часто случались беспорядки. Римский форум или Капитолийский холм выглядели сами по себе предпочтительнее, но на первом существовала опасность попасть в настоящую давку, а на второй допускали только специально приглашенных гостей. «Впрочем, вы ребята крепкие, не то я посоветовал бы побережь бока да поостеречься буянов и воришек», — быстро добавил хозяин гостиницы.

И Тулл, и Фенестела хотели наблюдать за процессией с возможно более удобного места, поэтому решили отправиться к Римскому форуму, который произвел на них неизгладимое впечатление днем ранее. Однако они быстро поняли, что толпы народа и стражники, перегородившие улицы по пути следования шествия, помешают им добраться до места назначения к нужному времени, до прохождения Тиберия. Им требовался проводник.

Заметив на углу улицы топтавшегося без дела остроглазого мальчишку, Тулл щелкнул пальцами:

— Эй, ты! Хочешь заработать монетку?

В молодые годы Тулл страдал оптимизмом, ему нравилось видеть в людях только хорошее. Те времена давно прошли. Потрясение, вызванное предательством Арминия, коварная ловушка, в которую тот заманил легионы Вара, и позор, пережитый Туллом и его уцелевшими товарищами, заставили его изменить взгляд на мир к худшему. Никому нельзя верить, пока человек не докажет, что достоин доверия. Вот почему, следуя за мальчишкой, центурион держался настороже, готовясь в любой момент отразить нападение городских подонков.

Вопреки ожиданиям проводник не пытался обмануть, а быстро и толково провел друзей по лабиринту переулков и задворков к улице, которая, по его словам, выходила к восточной стороне форума. Гул толпы, крики, звуки фанфар и барабанов, слышные в отдалении, скрип колес повозок и топот тысяч ног подтверждали, что мальчишка не обманул и действительно доставил их, куда требовалось, — и как раз вовремя. Одарив взрослых триумфальным взглядом, он протянул руку ладонью кверху.

— Мои деньги.

Тулл вручил проводнику оговоренную плату и пробормотал скупые слова благодарности, но мальчишка уже исчез — так же быстро, как и появился.

— Он тут все закоулки знает, — сказал Фенестела.

— Денарий мы потратили не зря, — сделал вывод Тулл, продолжая путь. — Давай посмотрим, где сейчас процессия, а потом решим, где разместиться.

По мере того как они продвигались к форуму, толпа густела. Привычные к ближнему бою, Тулл и Фенестела без труда пробирались вперед, работая плечами. Особо усердствовать не приходилось — мало кто отваживался мешать их продвижению. Если таковые все же находились, то, посмотрев Туллу в глаза, они быстро отступали. Вскоре друзья достигли места, откуда открывался вид как на левую сторону форума с въездом на него — головные части триумфального шествия как раз вступали на площадь, — так и на